КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

УПЫРЬ

Украинское преданіе.

Маруси былъ Отецъ казакъ зажиточный, а мать ея добрая хозяйка, такъ они и жили хорошо; а какъ дочь была у нихъ однимъ-одна, то они въ ней души не слышали, баловали ее: одъвали краше всъхъ дъвокъ на селъ. Марусъ и всего-то былъ тринадцатый годъ; но когда она, бывало, въ воскресенье выйдетъ погулять, разодътая невъста, какъ **УЖЬ** TO дѣвчонкамъ пристаетъ, не **BCe** дъвушкамъ, чтобъ большимъ СЪ скоръе и ровняться. И правду сказать, что паробки скоро стали всѣ нее на заглядываться; а когда она еще немного подросла и сложилась, то всв знали, что не только на сель, но и во всемь повыть не было Маруси. красавицы противъ

Марусенька, рослая и статная, была и покруглѣе другихъ, и потоньше ихъ, она и не глядѣла простой мужичкой, и немного было такихъ пышныхъ дѣвушекъ даже между богатыми хуторянками.

И видно Маруся сама знала, какъ она была хороша, потому-что ГУЛЯЯ СЪ подругами, не давала однакоже никому изъ паробковъ себъ приступиться, КЪ влюбивъ ихъ въ себя, тъшилась надъ ними, забавлялась и только дурачила. Отъ этого и прозвали ее гордой Марусей и говорили, что она не пойдетъ за простаго, хорошаго человъка, а развъ только за паныча, въ тонкой сукманкъ. Маруся отшучивалась, а все держалась противъ парней строго; но подругь своихъ, дъвокъ, не чуждалась и часто ихъ обдаривала и наряжала; а ужь убрать голову, заплести и положить вокругъ косы, ленты, заткнуть къ вискамъ пучечки цвътовъ – этого никто не умълъ сдълать противъ Маруси, хоть она и не училась этому нигдѣ, а такъ сама знала. Бывало, когда время такое, что никакихъ цвътковъ нътъ, достанетъ пучокъ старыхъ, TO

сухихъ, что и смотрѣть нь на что, либо желтенькихъ да лиловыхъ неувядалокъ, или хоть просто пучечекъ алой калины, да какъ уберетъ только голову ЭТИМЪ свою, ровно на ней все расцвътетъ и заиграетъ, и такъ она хороша, что ни одна дъвка не пріукрасится противъ нея И самыми лучшими цвѣточками.

Пришла по обычаю, осень, И праздника Андрея-Первозваннаго, начались дъвичьи вечерницы; всъ собираются въ одну избу, каждая приносить съ собою что есть, пекуть пампушки, вареники, пьють и веселятся. Собрались ъдятъ и Маруся съ ними, напекли и наварили всего. Вечеромъ пришли И одинъ парни, скрипицей, другой съ сопълкой, и началась гульба, пляска такая что И **ДЫМЪ** Маруся больше коромысломъ. Α **BCe** особнячкомъ-себъ, какъ ломливая гостья; смотрить она и шутить, мотается туда и дотыкайся нея a сюда, ДΟ не никто. Наконецъ, упросили ее, что пошла плясать, да и то съ тъмъ уговоромъ, чтобы парень не трогаль ее, а плясаль бы самь по себь, а

она сама по себъ; какъ пошла-то всъ заглядълись на нее, не могли налюбоваться.

избу Вдругъ входитъ ВЪ молодецъ, котораго никто прежде тутъ не видалъ: и собой пригожъ, и одетъ такъ чисто богатыхъ хорошо, И y самыхъ какъ ръдко дъти одъваются: казаковъ одна смущатая чего стоитъ; шапка поясъ, чоботы, а платокъ шелковый, персидскій. Поздоровался всъми, онъ дъвушки co сказали «милости просимъ», онъ тотчасъ и досталъ кошелекъ съ деньгами и посылаетъ парней за медомъ, пивомъ, наливками, орѣхами. Вотъ одна пряниками И дъвокъ вызвала брата своего, чтобы шелъ скорѣе за лакомствами, a тотъ, деньги отъ чужаго молодца, стоитъ, да и вертить ихъ промежь пальцевъ. Что жь ты? — а онъ и показываетъ, что, вм \pm сто четвертачка, чуженинъ даль-таки золотой настоящій червонецъ! Тотъ одно, говоритъ, глянулъ — все ничего, ступай, тамъ сдадутъ; а не то хоть на всъ возьми, коли съфдять, на здоровье!.. Люди поглядъли на него, переглянулись, да и притихли; такихъ-де богачей въ нашемъ околоткъ не водилось!..

Пошло гулянье, пляска, и Маруся не отказывалась плясать СЪ чужениномъ, онъ всъхъ угощаетъ и потчуетъ, а самъ съ нею съ одною только и водится. Такъ онъ, видно, сразу полюбилъ Марусю, да и она ласковъе смотрѣла, чѣмъ него на на Михалка и на другихъ; а плясалъ онъ такъ, что всѣ на него заглядѣлись, и рѣшили, что одинъ онъ только въ ровни Маруси и годится. Пришла полночь, и гость говорить, что пора ему домой; взяль онь шапку, утеръ лицо шелковымъ платкомъ и проситъ Марусю, чтобъ она его проводила хоть до воротъ. Она было-призадумалась, да дъвки спровадили ее: или, говорять, тебѣ человѣка хорошаго такого проводить? — Какъ только ОНИ вдвоемъ вышли, то онъ Марусю и поцаловалъ спросиль ее: а пойдешь ли ты за меня? она: — вы, Что жь! отвъчала кажется, хорошій человѣкъ, возьмете, такъ отъ-чего не пойдти? Онъ поцаловалъ ее и ушелъ.

Воротившись, Маруся не долго посидъла задумчивая, вечерницѣ, грустная, никто не могъ ее развеселить. Правда, что она не ръзва была и въ прежнее время, а всегда держалась и пышно и гордо, но всетаки она была теперь не та, что прежде; это замътили всъ, и потому, посмъявшись, въ рѣшили, голосъ что Маруся полюбила чуженина и теперь ужь подавно никого не захочетъ знать изъ ровней своихъ; а гость этотъ долженъ быть богатый хуторянинъ, коли не самъ дворянинъ, но никто не зналъ, откуда онъ взялся.

Михалка, о которомъ мы упомянули, слушалъ **BCe** ЭТО также молча, больше, подгорюнившись чѣмъ еще Маруся, и скоро ушелъ. Это былъ добрый и предобрый дътина, но не такъ богатый, а простой и работящій, который давно уже любилъ гордую Марусю, не смъя ей сказать этого и не надъялся увидать своего счастія, потому-что она не глядъла на него, и онъ видълъ, что услуги его ей докучаютъ. Онъ, вздохнувъ, побрелъ горько домой, посидълъ еще съ часокъ на заваленкъ,

прислушиваясь издали, какъ на вечерницъ гуляють, да раздумывая о горѣ своемь, а потомъ вошелъ въ избу, гдв отецъ и мать спали, И также завалился, его давно горемычный, на свое мъсто. Не видать мнъ счастья своего, подумаль онь: — а другой не возьму, сердце не примаетъ; такъ и буду бы колотиться, лишь день **3a** днемъ проходилъ...

Маруся пришла домой, и мать разспросила ее, хорошо ли она погуляла, и что у нихъ тамъ было. Маруся разсказала все, и про чужаго человѣка, красавца и богатаго, который ее сваталъ. Кто жь онъ такой, спросила мать: — и откуда? — «Не знаю.» — Такъ ты, доню, какъ пойдешь опять завтра вечеромъ, вѣрно онъ будетъ, и разспроси его хорошенько обо всемъ.

На другой вечеръ, Маруся одълась и нарядилась опять какъ могла получше и пришла на вечерницу, а вскоръ пришелъ и вчерашній молодецъ. Михалка сердечный ужь и не приходилъ больше, хоть его мать и посылала, а сказаль: «не хочу; что я тамъ буду дълать? есть безъ меня». — Вотъ

гульба вчерашняя, пошла опять опять тряхнулъ деньгами, всъхъ молодецъ употчивалъ лакомствами плясалъ И Марусей на-диво; она была такъ весела и игрива, что всв ею любовались; а когда женихъ ея пошелъ домой и вызвалъ ее опять проводить его, то она спросила его, кто онъ, откуда и какъ его зовутъ? – Онъ отвъчалъ, что онъ панскаго роду, а не простаго, что у него богатый хуторъ и много скота, а зовуть его зовуткой: «какая тебъ нужда, Петра ли ты полюбила, Максима ли? какъ бы ни звать, а за имя не разлюбить стать». Съ тѣмъ и ушелъ.

Маруся прямо пошла домой и разсказала все матери, а та дала ей на другой вечеръ клубокъ пряжи и сказала: когда будетъ уходить хуторянинъ твой и съ тобой прощаться, то прицѣпи ты ему нитку, а сама стой и разматывай клубокъ, покуда нитка больше не будетъ тянуться; тогда пойди осторожно по ниткѣ слѣдомъ за нимъ и ты увидишь, по какой дорогѣ и куда женихъ твой ушелъ.

Ha другой вечеръ, **BCC** ШЛО ΠO дѣвки прежнему; насилу дождались тороватаго чуженина, который всъхъ ихъ всякими лакомствами, потчуетъ такъ хорошо пляшетъ и веселитъ всю вечерницу; болѣе всъхъ ухаживалъ опять онъ Марусей и позваль ее за собой въ проводы. Тутъ она сдѣлала, что велѣла наконецъ, никому не сказавъ ΗИ слова, пошла одна ночью, чтобъ выслѣдить своего хуторянина. Нитка не долго шла по улицъ, а повернувъ по проулочкамъ, пошла черезъ плетни, дворы, а тамъ задами на край села: Маруся остановилась-было, но подумавъ, бойко пошла по ней дальше; не-ужь-то я своего суженаго буду бояться? подумала она: пойду, куда онъ, туда и я; теперь же темно, ему меня не увидать, а хоть бы и увидаль – нужды нътъ; скажу, что хотъла Ho откуда и кто онъ. Маруся вскоръ опять робко остановилась: нитка довела ее до кладбища, которое было, безъ огорожи или канавы, тотчасъ за селомъ. А что жь? подумала она, коли онъ прошелъ тутъ, то и я пойду за нимъ; тутъ дѣдушка

мой лежить и бабушка — чего мнъ бояться? Еще разъ десятокъ шагнула Маруся и ниткъ былъ конецъ: она уходила въ землю. Чтобъ увъриться, такъ ли это, Маруся потянула за нитку: кто-то сильно дернулъ ее къ себъ, въ землю, оборвалъ въ рукахъ Маруси и отвъчалъ на испугъ Маруси не голосомъ, огнемъ, который синимъ a вспыхнуль на могиль и погасъ. Бъдная дъвка, не помня себя, бросилась бъжать, спотыкаясь потьмахъ падая, ВЪ И наконецъ чуть живая добѣжала домой; тутъ она долго отдыхала и потихоньку вошла въ хату.

Мать, однакожь, услыхала ее и спросила: — что, доня моя, быль онь?

- Былъ.
- Что жь?
- Объщается взять за себя.
- А по клубку слѣдила?
- Слѣдила, да недалеко; оборвалъ онъ нитку и бросилъ.

Больше ничего и не сказала.

На утро Маруся весь день ходила какъ сама не своя, съ больной головой и ничего

не могла ни припомнить хорошенько, ни понять; но ей чудилось во снѣ и на яву такія страсти, отъ которыхъ замирала кровь: будто видъла она, когда вспыхнуло синее пламя, что дѣлалось подъ землей, въ могилѣ, и будто малый ея – страшно сказать... грызъ тамъ покойника. Она все молчала, не смѣла ничего сказать; прошелъ вечеръ, И мать ee опять посылаетъ: «иди, доня, да играй и веселись хорошенько, чтобъ любо было и тебъ и другимъ». А мать, которая, бывало, часто Марусю журила гордость за И боясь, чтобъ недоступность ея, не ославилась она черезъ это, и чтобъ откинулись всѣ женихи, рада-радешенька что дочь, наконецъ, хоть когонибудь нашла по себъ, да еще и богатаго хуторянина.

Пошла дочь, и все опять до конца было то же; только она боялась идти провожать своего жениха и хотѣла-было отказаться; но прочія дѣвки всѣ за него заступились и выпроводили ее почти силой: «Иди, чего ты, дура, боишься? съ такимъ молодцомъ?

да впервые, что ли тебъ, провожать его? Пошла». Онъ остановился, спросиль опять: больше пойдешь меня? Ей **3a** нњчего говорить, отвъчаетъ: пойду. – А была norocth? - Hbtь,вчера на ночью не была. -Aвидѣла что-нибудь? тамъ Нътъ, не видала ничего. – За это завтра твой отецъ умретъ, сказалъ онъ, и пошелъ.

Страшно Марусъ бъдной, и тоска напала смертная – а дъваться ни куда: на нее пришла домой и молчитъ. День насталъ – она бродитъ ровно безъ ума, не знаетъ, что Богъ дастъ, что будетъ. Пошла рано поводу, приходить съ ведрами домой отъ колодца — мать голосить, говорить, отецъ вдругъ померъ. Къ вечеру его похоронили, а Маруся бъдная сидить, забившись подлъ печи, закрыла лицо руками, свъту Божьяго не видитъ. Настала ночь, и подруги за нею пришли, звать на вечерницу, чтобъ хоть немного ее развеселить: она не хочеть, такъ и мать говорить: «Поди, доню; что тебъ тутъ дълать? Хоть посиди, да погляди на Дѣвки другихъ...» заговорили И потащили дружно силою за собой.

Маруся съла подгорюнясь въ углу, не стала ни пъть, ни плясать, ни играть, а пришелъ И когда ея женихъ сталъ разспрашивать, она отъ-чего такая невеселая, то дъвушки отвъчали за нее, что у нея у бъдной сегдня отецъ умеръ. Маруся тряслась какъ листъ; молодецъ пожалѣлъ, сталь ее утьшать, потчиваль всьхъ прежнему, пълъ и плясалъ, а уходя опять сталь ласково просить, чтобъ Маруся его Она тряхнула головой, проводила. подруги подняли ее насильно и отдали въ Маруся чуженина; вздрогнула, затряслась, но будто не своей волей молча пошла за нимъ.

- Что, Маруся? спросилъ онъ ее на дворѣ: была ты третьяго дня ночью на погостѣ, ходила за мною слѣдомъ?
 - Нътъ, не была.
 - А видъла тамъ что-нибудь?
 - Ничего не видала.
- За это у тебя завтра мать умреть. И пошель самъ своей дорогой.

Маруся упала, хотъла кричать, но не смогла; у нея не было ни силы, ни голоса,

ровно кто рукою зажаль ей роть, такъ, что она не могла дышать и обомлѣла. Дѣвкамъ было не до нея: у нихъ шло тамъ свое веселье; а если кто и вспомнилъ про нее, такъ думалъ, что она пошла съ молодцомъ, либо ушла домой. Долго ли она лежала, и сама того не помнила, но очнувшись, она пошла домой, легла и всю ночь тихонько проплакала. На зарѣ мать ея вдругъ начала стонать и черезъ часъ, ни съ того ни съ сего, отдала Богу душу. На бѣдную дѣвку напалъ такой страхъ, что она ужъ не могла и плакать.

Что жь? живой не безъ мѣста, мертвый не безъ могилы: похоронили и мать, больше было дѣлать нњчего. Осталась бъдная Маруся одна, и такъ ей страшно стало въ пустой избъ, что заперла она ее и пошла къ сосъдямъ. Тамъ она просидъла до вечера, и опять пришли товарки ея, чтобъ не дать ей загруститься и закручиниться, и жалфючи ее, противъ воли увели съ собой. Она, бъдная, совсъмъ была безъ памяти, опомнилась опозналась еще И не сиротскомъ одиночествъ своемъ и сидъла

среди общаго веселья, будто пришла съ того свъта. Вдругъ всъ радостно зашумъли: Маруся вздрогнула — къ ней подошелъ чуженинъ.

- Полно тужить, Маруся! сказаль онь: воть я опять къ тебъ пришель; тўгой поля не изъъздишь, нудой моря не переплывешь! Пойдемъ плясать!
- Не троньте ее бѣдную, сказали дѣвушки: у нея сегодня мать умерла!
- Какъ? сказалъ тотъ, удивившись этому новому горю и крѣпко жалѣя бѣдную Марусю: вчера отецъ, а сегодня мать? Шутите вы?
- Нѣтъ; кто такъ шутить станетъ избави Богъ!
- Бъдная ты, сердечная моя? сказалъ тотъ: – какъ же ты теперь жить станешь сиротою, хозяйство, круглою вести домомъ? Тебъ нужно управлять искать добраго человѣка... Какъ вы разсудите, добрые, я всъхъ ЛЮДИ на на васъ пошлюсь — правду я говорю?

Съ этого слова пошли шутки; Маруся молчала на все, что ни говорили, хотъла-

было уйдти, но не смогла, а сидъла какъ прикованная; когда же ненавистный ей женихъ собрался идти, не поддаваясь ни на какія просьбы дъвушекъ остаться еще и погулять, то онъ опять ласково позвалъ ее въ проводы. Маруся взглянула на него въ первый разъ во весь вечеръ, встала и пошла за нимъ.

- Теперь я ничего не боюсь, подумала
 она: пусть дълаетъ со мною что хочетъ!
- Любишь ли ты меня, Маруся? спросиль онъ ее.
 - Нѣтъ, не люблю.
 - А пойдешь ли за меня?
 - Нътъ, не пойду.
 - Стало-быть, ты меня обманула?
- Ты первый меня обманулъ, а я потомъ.
- Ну, а признайся, ходила ты за мною слѣдомъ, была на погостѣ?
 - Нътъ, не была.
 - А видѣла тамъ что-нибудь?
 - Ничего не видала.
- Ну, такъ за это ты завтра къ вечеру и сама умрешь.

— Дай Богъ! сказала бѣдная Маруся: — дай Богъ! Чего мнѣ еще оставаться тутъ?

Но едва успъла она это выговорить, какъ вдругъ, и сама она не знала съ чего, пришелъ ей на умъ Михалка, котораго она съ такимъ презръніемъ всегда отъ себя гоняла, а теперь и давненько ужь не видала, потому—что онъ не навязывался, а съ того вечера, какъ въ первый разъ появился чуженинъ, ни разу ей не попадался на глаза.

— Что дѣлать, бѣдный мой Михалка! подумала она: — видно такая судьба наша, и твоя и моя! И залилась горючими слезами.

Задумавшись, повъсивъ голову опустивъ объ руки, побрела она домой и, забывшись, вдругъ остановилась передъ хатой своей, порожней взглянула, вздрогнула, заломила руки и долго глядъла на темныя окошечки; потомъ она повернула назадъ и пришла почевать къ сосъдкъ. Та чадолюбиво ee И приняла **ДОЛГО** еще утъшала, не замъчая, что бъдная Маруся не

слушала утъшеній этихъ и даже не слышала ихъ.

Рано утромъ пошла она домой, посидъла избъ одинокой своей, помолилась, ВЪ напоила скотину, пошла на могилы отца и матери и поплакала тамъ, воротилась домой и заперлась, будть ея нътъ. Она хотъла умереть такъ, въ одиночествъ своемъ, въря словамъ страшнаго чуженина, который ей доселѣ пророчилъ одну правду; но вскорѣ ее взяла такая тоска и даже страхъ, что, слѣпой бабушкѣ вспомнивъ 0 своей, жившей верстахъ въ семи, она вышла, заложила воловъ и поѣхала КЪ старухъ, очень-давно которую **УЖЬ** видала, не поъхала – выплакать передъ нею горе свое. Ей хотълось чего-нибудь роднаго, а тутъ она была одна, между чужими людьми и смѣла подумать бѣдномъ не 0 даже Михалкъ, который теперь также сдълался для нея чужимъ...

- Здравствуй, бабушка!
- Здравствуй, доню; кто ты? Я что-то не признаю тебя по голосу...

- Охъ, бабуся, и давно ужь: ты меня не слышала; я маркушенкова Маруся, внучка твоя!
- Такъ здравствуй же, я рада тебъ; что отецъ и мать, дочка моя?
- Худо, бабушка; оба передъ Богомъ, померли...
- Передъ Богомъ! сказала слѣпая бабушка, перекрестившись: такъ тутъ ничего худаго нѣтъ; я и близко живу, да не слышала еще объ этомъ; а вотъ тебя жаль; ты въ дѣвкахъ еще?
- Въ дъвкахъ, бабуся; въдь я еще молода!
- Знаю, помню, ты родилась въ тотъ годъ, какъ у насъ дорогамъ стали канавы копать; годовъ семнадцать, чай, будетъ. Да, такъ, будетъ; когда я ослѣпла, такъ тебѣ былъ одиннадцатый годокъ. Ну, какъ же ты теперь живешь?
- A такъ живу, бабуся, что прівхала къ тебъ умирать...
- Христосъ съ тобой! зачѣмъ такъ? Тебѣ ли умирать? Это наша доля, а вамъ жить!

Внучка, горько заплакавъ, разсказала бабушкъ все, что съ нею было, и кончила тъмъ, что ей теперь немного часовъ осталось до вечера жить.

- Охъ, бабушка! погубила я и отца и мать... Когда онъ, злодъй мой, сказалъ мнъ, что и мой чередъ насталъ, то я обрадовалась, будто свътъ увидъла; а теперь, какъ время подходитъ, такъ страшно!
- Hy, дитятко, сказала бабушка: прошлаго не воротишь, нњчего о немъ и вспоминать; а пострадала ты довольно, и тебя теперь журить – дъла не поправить. Слушай же ты меня: любовникъ твой — это упырь; онъ встаетъ изъ могилы, моритъ и **ѣстъ** людей... Простись теперь со мною и домой; поѣзжай сейчасъ тамъ хорошаго, надежнаго человъка, котораго бы міръ послушался и не сталъ бы съ нимъ спорить; подари ему пару воловъ своихъ они тебъ ужь не нужны – съ тъмъ, чтобъ тебя, какъ умрешь, не выносили хоронить двери, а подкопали бы порогъ ВЪ

пронесли подъ порогомъ. Домъ и все, что есть, отдай попу на церковь, и только.

- Бабушка, все, что говоришь ты, все сдълаю, върно; да скажи же мнъ, что съ этого будетъ?
- А вотъ видишь что, доню: когда есть человъкъ на свътъ, который тебя по правдъ и всъмъ сердцемъ любитъ, то онъ тебя найдетъ.
 - Какъ найдетъ, бабушка, когда умру?
- Ну, умрешь, такъ умрешь; ньчего дѣлать, и всѣ мы умремъ; а если нѣтъ такого человѣка, чтобъ тебя дѣвушку любилъ ну, тогда другое дѣло, и я ни въ чемъ не властна.

Маруся, простилась Заплакала СЪ бабушкой, а бабушка, любила какъ НИ внучку свою, давно уже разучилась плакать, не прослезилась. Внучка поъхала домой. Вотъ тутъ-то больло сердце ея по тому человѣку, котораго она, изъ одного только тщеславія, удалила отъ себя, тогдакакъ онъ ее любилъ, да и сама она, еслибъ только дала сердцу своему волю, полюбила бъ его давно... Прошлаго не воротишь!

Нѣтъ, подумала она, такого человѣка нѣтъ, чтобъ меня дѣвушку любилъ... За что Михалкѣ любить меня?

Прівхавъ домой, она тотчасъ распорядилась, было ей какъ сказано, сославшись на слѣпую бабку свою, противъ которой никто не посмълъ спорить. Никто върилъ, однакожь, чтобъ Марусъ не пришло время умереть — думали, что она съ горя начала бредить... но къ вечеру сосъдка заглянула въ марусину избу, когда еще и не смерклось, и увидъла ее лежащую постели. Что она все на лежитъ убивается! подумала добрая сосъдка пошла, чтобъ вызвать ее, анъ бъдной ужь лежитъ-себѣ нѣтъ: она простываетъ...

Сошлись люди и не могли надивиться, бѣдной такое сталось СЪ семьей Маркушенка, что въ три дня не стало ни **Многіе** ни дочки! отца. матери, НИ заплакали, глядя на красавицу, которая лежала каъ живая, сложивъ сама заживо руки и приготовивъ платье, въ которомъ ее хоронить... И подруги всъ собрались и крѣпко парни ee оплакали; молодые такой дѣвки говорили, что не скоро наживешь... Но одинъ былъ, который съ недѣлю уже никому на глаза не либо сидѣлъ либо показывался, дома, работаль въ поль, а теперь смъло пришель въ хату Маруси, когда она уже лежала на лавкъ, одътая и убранная въ цвътахъ, какъ невъста, сълъ и сидълъ тутъ безвыходно до самихъ похоронъ. Когда уже другіе пътухи пропъли, то онъ все еще сидълъ противъ Маруси и смотрѣлъ на лицо ея, которое освѣщалось лампадкой, одною потомъ вдругъ заплакалъ, простился съ нею, снялъ у нея съ пальца мѣдный перстенекъ надълъ себъ на палецъ, а ей надълъ свое колечко и опять сложиль ей по-прежнему руки.

Поутру пришли люди, подкопали порогъ въ сѣняхъ и сдѣлали такой спускъ и подъемъ, чтобъ можно было пронести гробъ. За тѣмъ принесли и порядочный, выкрашенный гробъ, потому-что Маруся оставляла достатку довольно. Собрались дѣвки, парни и старики со старухами и,

вынести покойницу, какъ было сказано, поставили въ церковь, отпъли и похоронили. Никого не осталось изъ маркушенкиной семьи, и Маруси не стало; избу продали, и въ ней живетъ теперь чужой человъкъ, а объ Маруси тамъ и помину нътъ...

Пришла весна, красная, веселая, и тотъ же молодой парень, который обручился съ Марусей-покойницей, частенько ПО вечерамъ прихаживалъ на могилу ея и тамъ Замътивъ однажды, молился. что этой выростаетъ какой-то могилы особенный стебель, съ гладкими, длинными листьями, Михалка сталь, присматривать за нимъ и поливать его; но какъ кладбище не было огорожено и туда нерѣдко заходила скотина, то Михалка решился выкопать кустъ этотъ съ корнемъ и посадить его въ садикъ. Сдълавъ это, добрый своемъ Михалка, который вообще очень любилъ цвъты и разводилъ ихъ у себя много, ходиль и смотръль за этимъ кустикомъ, какъ за глазомъ своимъ; и чъмъ болъе выросталь цвътокъ, тъмъ болъе дивился

ему садовникъ нашъ и радовался, потомучто онъ никогда такой травы не видалъ: листья вышли длинные, не широкіе, гладкіе посрединъ стебель, одинъ ровные; маковкѣ довольно-высокій, a на завязывался цвътокъ. Михалка радовался Наконецъ, кладу. наканунъ ему, какъ вечеру, цвѣтокъ иванова-дня, КЪ расцвълъ – бълый, большой вдругъ густо-мохровый; Михалка не могъ имъ налюбоваться; сидъль онъ при немъ поздней ночи, все на него глядълъ, потомъ подумалъ: теперь тутъ тепло, а мнъ хорошо и весело – зачъмъ пойду въ избу? и легь въ садикѣ своемъ, подъ кленомъ, цвъточекъ его такъ-что стоялъ передъ нимъ и слегка кивалъ головкой отъ налетняго вътра. Вдругъ бълые лепестки въ цвѣтка зашевелились, головкъ цвътокъ опалъ и изъ него медленно поднялась, какъ туманъ, рослая, статная дъвушка... ВЪ Михалко, прояснился, туманъ И не вскочилъ и робко утерпѣвъ, сказалъ: Маруся!

Она подошла къ нему и, указывая на его колечко, сказала: «Кто обручился съ мертвою, тотъ будь женихомъ и живой: ты мой спаситель; безъ тебя я погибла бы въ въчныхъ мукахъ.»

Сколько ни дивовались люди, что Маруся жива, а поглядъвъ на нее, надо было поневолъ повърить. Не долго откладывая дъла, съиграна была свадьба, и, говорять, не было на свътъ другой такой дружной и любовной четы, какъ добрый Михалка и красавица Маруся.

Не надъйтесь, однакожь, дъвушки, на цвътокъ этотъ: не любите чужихъ парней безъ ума, и не обманывайте, не облыгайте никого!

В.ДАЛЬ